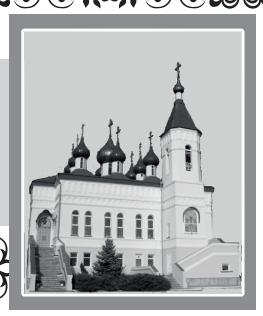
Еженедельное издание церкви Покрова Пресвятой Богородицы г. Тирасполь № 16 (409) 22 апреля 2017 г.

ПОКРОВСКИЙ ЛИСТОК



Слово пастыря

Церковь бережно охраняет свою идентичность. Две тысячи лет не состарили Евангелие – оно остаётся всё той же свежей новостью и радостным посланием Бога человекам. Иногда нам кажется, что обряд закрыл собою веру, что мы запутались в «преданьях старины глубокой», что жизнь Церкви потемнела, как лик на чудотворной иконе, да ещё и покрылась сверху тяжёлым окладом. Но приходит Пасха и выгоняет вон сомнения и страхи. Как вурдалаки от пения петуха и от первых утренних лучей спешат в свои норы и подземелья, так и всякая раздвоенность души и всякая хула на Истину исчезают в пасхальном трезвоне и победном «Христос Воскресе!»

Пасхальной радостью нужно жить не одну неделю в году. Её нужно ловить и удерживать, как поймал и удержал упавшую милоть *(милоть – верхняя одежда из овечьей кожи, – прим. ред.)* Илии его ученик Елисей. Для того чтобы мы были способны исполнить завет апостола Павла «всегда радуйтесь», Церковь протягивает пасхальную нить сквозь целый год обычной жизни, и узелками на этой нити завязан воскресный день. Это – малая Пасха, антипасха, не в смысле «против», а в смысле «вместо». Когда были живы Пётр и Павел, у Церкви, конечно, не было праздника Первоверховных Апостолов. Пока была жива Богородица, не было грустного и величественного успенского торжества. А что же было у Церкви, когда не было Успения и Покрова, Введения и памяти Апостолов? У Церкви был воскресный день. Это первый праздник нового человечества, благодаря которому наша связь с первенствующей Церковью и с колыбелью благодати сохраняется и не рвётся.

В основе мира лежит седмица. Число шесть указывает на сотворённый мир, а число семь – напоминает о том, что сотворённое покрыто благословением. Здесь – ключ к пониманию празднования субботы. В седьмой день, т.е. в субботу, Бог благословил то, что создал, и, отдыхая в субботу от ежедневных дел, человек должен был размышлять о делах Творца, славить Его за то, что Он всё дивно устроил. В субботу человек не должен был проявлять власти над творением – копать, рубить, разжигать огонь. Молитва, отдых и богомыслие должны были наполнять субботу. Но поскольку человек согрешил и попал под власть соблазнителя, его нужно было спасать, а вместе с ним и всю Вселенную. Суббота не исцеляла человека, но лишь поддерживала в нём духовную жизнь. Христос исцелил человека и сделал это в первый день недели – в воскресенье.

Искупление мира – дело большей любви, нежели сотворение мира. То, что Бог, не утомляясь, создал чудный мир, говорит о Его всемогуществе и разуме. А то, что Он послал Единородного Сына, чтобы в Нём спасся мир, говорит о Его любви. Что же нам делать? За что нам больше Бога благодарить? За всемогущество – или за любовь к нам, падшим? Церковь говорит: за любовь. Церковь не отменяет субботу, называет её праздником, наполняет молитвой. Но выше субботы Церковь поставляет первый день – воскресенье. Его мы празднуем больше, и оно для нас – вечное напоминание о Полюбившем нас и Отдавшем Себя за нас.

Воскресенье – одновременно день первый и день восьмой. Первый – внутри седмеричного цикла, восьмой – как разрыв кольца и выход за пределы. В тот первый день, день творения, Господь сотворил свет и отделил свет от тьмы. Как радостно заметить сходство с днём воскресным. Ведь и Воскресший Христос победил тьму, сделал её явной и дал возможность человеку выйти из неё на свет. Что касается дня восьмого, то литургическое празднование воскресного дня делает нас общниками блаженной вечности, того вечно длящегося брачного пира, о котором говорит Евангелие. Именно днём восьмым называют будущий век Отцы. Седьмой день творения, в который Бог ничего нового не создаёт, но управляет уже созданным, длится до сих пор. С пришествием Христа и Его праведным Судом начнётся новый день – восьмой – и Царство Христово, ему же не будет конца. Так в праздновании воскресного дня соединяются оба конца истории – её творческое начало и её грандиозное завершение. И вся роскошь этой богословской трапезы доступна всякому человеку, участвующему в воскресной молитве.

Кстати, и Воскресение Христово – восьмое по счёту в Библии и первое по смыслу. До него было три в Ветхом Завете: воскрешали отроков Илия и Елисей, и один мертвец воскрес, упавши на кости Елисея. В Новом Завете Господь воскресил сына Наинской вдовицы, дочь Иаира и Лазаря. Седьмое было воскресение многих святых в Иерусалиме во время Крестного страдания Спасителя (Мф. 27, 52-53). А Сам Господь воскрес восьмым по счёту. Но как воскрес? Воскрес для непрестающей вечной жизни, над которой смерть не имеет власти. Все воскрешённые ранее затем всё-таки умерли, т.к. природа их не преобразилась. Лишь Господь открыл нам ворота Вечности, до конца победив смерть. Вот и получается: Его Воскресение – восьмое по счёту и первое по смыслу. Таков же и Его день, День Господний, воскресенье.

Лишь в нашем языке первый день носит имя главного христианского догмата. У всех на свете это или день Солнца, или просто первый день. А у нас – воскресенье. Знаете, какое можно подобрать однокоренное с ним слово? Искра. И там, и здесь корень – скр. Этот корень говорит о вспышке, преодолении тьмы, творческом начале. В других языках Воскресшего Христа называют Восставшим, и только у нас есть для этого особое слово. Так и о ломающемся льде на оживающей по весне реке в украинских сёлах говорят: «крига скресла».

Наш «крестьянин» – это изменивший звучание «христианин». Наше «спасибо» – это пожелание от Господа спасения: «Спаси Бог». И главный день нашего отдыха – это вечное напоминание о победе над смертью. Осталось только привести нашу повседневную жизнь в соответствие с нашим языком, хранящим в себе множество напоминаний о христианской вере. И если соответствие состоится – мы будем самый евангельский народ на планете.

Протоиерей Андрей Ткачев

Вопросы священнику

Прочитал из Вашей книги «Дыхание жизни» главу «На Апокалипсис». Думаю, что не раз еще к ней вернусь. Такие вещи надо читать в тишине и в одиночестве. Но возник вопрос. Когда человек чем-то увлечен, во что-то влюблен, он во всем готов увидеть родные черты. Так, возможно и здесь – Вы готовы увидеть Иисусову молитву и все, что ее касается, буквально во всем. А может быть и там, где этого и нет. Но тогда получается, что очень многое зависит не столько от текста, сколько от толкователя, хотя Вы таковым себя и не признаете. Но тогда и человек, придающий большое значение, допустим, телесным подвигам, может увидеть и найти в Апокалипсисе подтверждение и обоснование своих воззрений?

Бог – это Начало, Основа и Конец мироздания; вне Его не существует никакого бытия, а только мертвая бездна. Бог – во всем, и весь выше всего; Он содержит все, но не сравним ни с чем. Он невидимая сущность всего существующего, не будучи одноприродным ни с чем. Поэтому Иисусова молитва – это видение Бога в самых глубинах бытия. Одно из Его имен – Иегова – значит Сущий. Труднее было бы сказать, где нет Бога. А Иисусова молитва – это имя Бога, имя Того, Кем содержится мир. Присутствие Бога и имя Бога не зависит от толкователя, оно только напоминает людям, забывшим Бога, что Он невидимо везде и во всем. Именем Божиим мы живем и дышим, даже когда не понимаем этого. Иисусова молитва раскрывает нам тайну бытия.

Если Господь ставит человека в ту же ситуацию, в которой он был несколько лет назад, то чего Он от нас ждет? Осмысления ситуации с духовной точки зрения, если за прошедшее время был внутренний рост? И поступков другого содержания, более высокого, чем ранее?

Всякая ситуация – это лучшая ситуация для исправления человека. А Бог, видящий нашу душу лучше, чем мы сами, знает, что в настоящее время нужно для нас. Если ситуации повторяются, значит, мы недостаточно полно использовали данную ситуацию в прошлом и наши язвы остались при нас неизлеченными.

Иногда я боюсь задать Вам вопрос, потому что страшусь резкого ответа. Отчего это?

От самолюбия. Самолюбие похоже на гнойник, который болит от малейшего прикосновения.

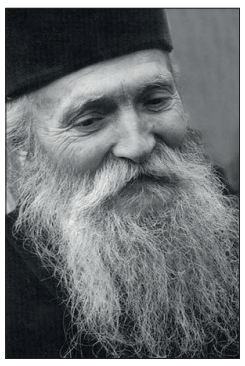
По своему неведению дала согласие на операцию по стерилизации (у меня двое детей, рожденных при помощи кесарева сечения). Раскаялась в этом сразу же, как узнала, что это тоже тяжкий грех. Подскажите как мне быть, как искупить свою вину?

Исповедуйте свой грех священнику и попросите у него епитимью. Нет непрощенного греха, кроме греха нераскаянного.

Откуда взялись расы народов, если все люди – потомки Адама и Евы?

Все люди имеют одно начало. Об этом свидетельствует нам божественное Откровение, а также антропология, включающая в себя физиологию и анатомию, которые также подтверждают структурное тождество человеческого организма во всех расах и нациях. О возникновении рас и народов можете прочесть в библейской книге «Бытие».

Архимандрит Рафаил (Карелин)



14 апреля 2003 года преставился известный сербский подвижник и духовник, архимандрит Фаддей Витовницкий (Штрбулович, 1914-2003). Предлагаем читателям подборку наставлений и поучений из бесед старца.

* * *

Какие у нас мысли, такова и наша жизнь. Если наши мысли спокойны, тихи, благородны и кротки, такой же будет и наша жизнь. Но когда мы мысленно обращаемся к окружающим нас обстоятельствам, входим в этот круг размышлений – нет нам ни покоя, ни мира.

* * *

Людям зло полюбилось больше добра. Падшая природа! Им легче думать о зле, чем о добре, но нет человеку от злых помыслов ни мира, ни покоя. Как велико наше падение! Удивительно! Страшно! Мы не можем опомниться, не можем ничего для себя сделать, мы даже не отдаем себе отчета, насколько нас терроризируют падшие духи. Нам кажется, что это наши мысли. Нас мучит зависть, злоба, ненависть. Это тирания из тираний! Душа не хочет этого, а освободиться не может. От малых ногтей она к этому привыкла. Зло пускает глубокие корни в душе, и необходимо их выдернуть из нее. Необходимо превратиться в любовь, быть мирным и спокойным, но нелегко это; видите, как страшно падение человека!

* * *

У нас всегда неправильная точка отсчета. Вместо того чтобы начинать с себя, мы хотим исправлять других, а себя оставляем на потом. Начни каждый с себя – вот нам и будет мир повсюду! Святой Иоанн Златоуст говорит: «Если человек сам себе не навредит, никто не сможет ему навредить!»

* * *

Нам мешают не другие, мы сами себе мешаем. Мы сами себе – наибольшее препятствие. Думаем о зле, которое вокруг нас и кружит повсюду; но если бы зла не было в нас самих, оно бы нас не задевало. Зло – в нашей душе, и мы виноваты, что приняли его и не сохранили, разрушили мир. Кто-то там нам угрожает, наговаривает – пусть, у него свободная воля. Пусть делает, что хочет, а у нас свое дело – хранить свой душевный мир.

* * *

Мир должен установиться в наших душах, тогда и вокруг нас будет мир. Пока мы не сделаем этого, не будет мира. Нет мира в семье, где хозяин беспокоен мыслями. Потому и себя, и своих близких мы должны доверить Господу.

Господь всюду, и без Его промысла, без Его попущения не бывает ничего на земле. Когда мы укореним в себе эту мысль, тогда всё нам легко; а если бы Господь позволил нам делать всё то, что мы хотим и как хотим, произошла бы катастрофа. В космосе наступил бы невиданный хаос.

* * *

Самое важное для духовной жизни, – хранение мира в сердце. Любой ценой не допускайте в сердце тревогу. В нем должны царить мир, безмолвие, тишина. Мысленный хаос – это состояние падших духов. Наш ум должен быть собран, внимателен, сосредоточен. Только в такой ум может вселиться Бог.

Наряду с хранением мира в сердце, упражняйтесь в стоянии перед Господом – это значит, нужно постоянно держать в уме, что Господь на нас смотрит. С Ним мы должны вставать и ложиться, работать, есть и ходить. Господь повсюду и во всём.

* * *

Если тебя посещают скорби, значит, Господь тебя любит. По тяжким испытаниям и скорбям, которые нам посылает Господь, мы узнаем, что Он нас любит. Святые отцы говорили, что если не возмущается твой внутренний мир, значит, ты выбрал неверный путь. Значит, ты что-то делаешь по воле врага, и он тебя не трогает, потому что ты в его власти. У тебя все хорошо, нет особых искушений, значит, он тебя держит, а ты не замечаешь, что ты в его власти.

* * *

Причина болезней в мысленном падении. Болезнь – от мысли. Обычно всем нам приходят и хорошие, и плохие мысли. Каковы мысли, такова и жизнь. Дух питается мыслями, как тело телесной пищей.

«Ведро незабудок» и другие рассказы Александра Богатырева

Продолжение. Начало в № 7 (400)

Ну, а Даша мною, как и мать, не занималась. Готовила, стирала. А гулять я уже бегал сам. Это неинтересно. А интересно, как всё в этом мире закручено. Матери дали за отца пенсию. Хорошую по тем временам. Но ей не хватало. Привыкла жить на широкую ногу. Теперь ей было не до камешков. И камешки пришлось время от времени продавать. Из тех, что врассыпку хранились в шкатулке. Броши, колье, серьги она не трогала. Она меня приставила к этому. Я имел дело только с тем маклаком – коллекционером икон. Засвечиваться с камнями было опасно. Сначала он ей камешки продавал. Теперь она ему. Мы с ним даже подружились. То есть выпивали после сделок. И я видел, что он меня старался не обманывать. Насколько это ему удавалось. А он просто знал, что с моей мамашей ему дел предстоит надолго, и не хотел терять клиентку.

Однажды я залетел в больницу и там познакомился с молодым человеком. Его дед жил в Тутаеве – бывший Романов-Борисоглебск. И в этом Тутаеве было немерено икон. Сразу после больницы он мне продал несколько и пригласил с собой. Мы поехали. Городишко – чистая деревня. Несколько каменных купеческих домов, остальное всё – деревянное. Но храмы! На одной стороне Волги полдюжины, на другой – один, но какой! На высоком подклете, пятикупольный. Век семнадцатый, если не шестнадцатый. Я его изображение видел в немецкой энциклопедии. А на другой стороне – церковь с шатровой колокольней, как с картины «Грачи прилетели». Красота! И вот в этой красоте я наладил свое дело.

Несколько лет жил безбедно. Берешь икону за 50 рублей. Продаешь за 500 долларов. А мой тутаевский агент поначалу покупал по деревням. Потом собрал молодняк, и стали они иконы красть. Нескольких человек поймали. Я затихорился. Перестал туда ездить. Но тут с маманей вышла история. Мне позарез нужны были деньги, и я взял из ее шкатулки один камешек. Самый неприметный – в два карата. Ну и продал его маклаку. Оказалось, он был какой-то немыслимой огранки. Маклак сразу его продал и наварил кучу денег. Маман туда-сюда, а камешка следа не найти. В ювелирном мире его знали. Его то ли француз, то ли итальянец знаменитый огранил. И, конечно, он ушел с концами. Маманя моя без тормозов меня в ментуру. И началось. И Тутаев на повороте выплыл, и другие мои подвиги... В общем, дали мне семёру – семь лет строгача. Валютные операции и прочие замечательные действия.

Маманя через некоторое время остыла, но поезд ушел. Пошла нажимать на все педали. Она меня выкупила. Посадила за один камешек, а жене замминистра пришлось брошку Фаберже отдать. «Павлиний хвост» называется. Там этих камешков несколько десятков да три сапфира. Цены ей нет. Но полтораху я оттянул – отсидел полтора года. И слава Тебе, Господи! Если бы тогда нить моей жизни, простите за высокий штиль, не прервалась, я бы погиб. Когда пришел Андропов, несколько моих дружков за «в особо крупном размере» присели надолго, а одного отправили туда, где деньгами не пользуются, – к праотцам.

Но главное в другом. Со мной сидел один старичок. Он занимался самиздатом. На плохонькой бумаге печатал религиозную литературу. И пишущей машинкой не брезговал. Сам печатал и народу раздавал.

Вот как коммунисты боялись слова Божьего: посадили бедного вместе с убийцами, ворами и валютчиками. Вот он-то мне и мозги, и душу поставил на место: «Как же ты мог торговать святыми иконами и не почувствовать, с чем и с кем имел дело?! Неужели у тебя душа ни разу не дрогнула?» – спрашивал он меня. А у меня не то что не дрогнула, а такое в ней, родимой, творилось... Лучше не вспоминать. Я это дрожание по-своему усмирял: после каждой удачной сделки пускался во все тяжкие. А когда этот мой сокамерник, раб Божий Феодор, стал обо мне, окаянном, молиться со слезами... Да что со слезами! Рыдал после того, как я ему и о половине своих подвигов не рассказал. Однажды ночью просыпаюсь, а он Бога молит простить мои преступления. И, поверите, то ли спросонья, то ли ночь была какая-то особенная: я лежу под одеялом и слушаю его шепот – такой горячий, с такой энергией он произносил мое имя и слова молитвы... Я вдруг разревелся и не мог целый час успокоиться. А я вам доложу, что я вообще никогда не плакал. Ни в детстве, а потом и подавно. Откинул я одеяло и реву. И Федор в голос плачет. Сокамерники проснулись – и... только один матюгнулся и замолк. Все лежат и пошевелиться не могут. Потом братва рассказывала: ужас всех объял, а через некоторое время отошло, и сердцу легко стало и радостно. И не с одним это произошло. Нас было 12 архаровцев, как апостолов у Господа. Правда, иуд оказалось поболе. Корявый – мутный был мужик – замутил братву. Сказал, что это мы с Федором коллективный гипноз напустили. А Федор ответил: «Это нас, братцы, Ангел посетил». И стали мы после этой ночи молиться. Кому скажи, что полхаты на молитву Федор поставил, – не поверят. А Корявый с двумя орлами бесноваться стали. Драки устраивали, визжали. Слава Богу, у тех, кто молился, был крутой заступник – любого заваливал. Да еще два мокрушника-убийцы – с ними тоже не связывались. Так у них от молитвы не морды, а лица сделались – как у детей. Федор наизусть знал и утреннее, и вечернее правила, Покаянный канон. Изобразительны по воскресеньям читал и пел. Тропари всем праздникам. Но война шла конкретная. Федора по воскресеньям отлавливали – и в карцер. За худшие дела так не наказывали, как за молитву. Это потом не только разрешали молиться, но и церковь открыли. А до этого – просто труба...

Я потом, после отсидки, встретил кума – опера. Он говорит: о нашей камере, трижды Краснознамённой, до сих пор легенды ходят. Говорят, Богородица нам явилась. Не знаю, может, Федору и явилась...

Я потом братву, которая уверовала, на Святую Землю возил. Правда, на Геннисаретском озере бесяра на нас напал крепко. Я даже думаю, не тот ли это был легион, которого Господь изгнал из гадаринского товарища. Так нас всех скрутило. Готовы были разорвать друг друга. Но это грустная история. Главное, мы помирились и теперь братва стали братьями. Помогаем друг другу во всем.

А вот Федор, Царство ему Небесное, не сподобился волю увидеть. Но другой мой друган – я от него подобного не ожидал – как только вышел, все монастыри объездил, у всех старцев побывал. Стал алтарником, потом чтецом в храме. Говорит мне: «Поехали к отцу Павлу Груздеву. Он нашего брата понимает. Может и совет нужный дать, и отмолить. Сам оттянул на сталинских курортах чуть ли не двадцать лет». Я говорю: «Поехали». Прихожу на вокзал: «Куда едем?» – «До Ярославля, а там до Тутаева». Ну, я чуть не помер. «Как до Тутаева?» – «Да так. Он там рядом, в деревне служит».

Вот ведь как Господь ведет. Где грешил – туда и каяться поезжай. Приехали мы. Народу у батюшки полно. Мы стоим во дворе, ждем. Друган мой сидел за то, что превысил самооборону. Не виноват был. Защищался. Но скорбел крепко – ведь душу человеческую погубил. Стоит и переживает: «А вдруг батя со мной и говорить не станет!» Выходит батюшка. Оглядел бабулек – и к нам. Обнимает моего другана, а на меня чуть не по матушке: «Пошел вон, пес смердящий! Чего приехал?! Поболтать?! Болтай у себя, а ко мне каяться приезжай». Увел он моего другана и больше двух часов с ним говорил. А я стою как оплеванный пенек и не знаю, то ли бежать, то ли попытаться снова подойти к отцу Павлу. Бабульки на меня как на врага смотрят. Раз батюшку прогневил, то надо показать и им свое отношение. А мне так обидно.

Думал: исповедуюсь, поговорю, спрошу, как жить дальше. А он меня при всех шуганул. Тут подходит ко мне одна бабуля – я ее и не заметил сразу. Смотрит на меня по-доброму. Говорит: «Ты, сынок, наверно, не готов принести покаяние. Надо ведь не просто перечислить грехи, а душу наизнанку вывернуть, показать свой грех и вырвать его и выбросить вон, как вырезанный аппендицит. Погляди в свою душу и не обижайся на батюшку. Он не любит теплохладных». Я ее слушаю. Понимаю, что она права, но от обиды все во мне горит. Тоже мне, старец. От великой любви он меня при всех приложил. Стоило ехать, чтобы получить такое.

Пошел я к Волге. Сижу рядом с храмом. Там раньше лодочная станция была. Смотрю на воду. Думаю: «Вот так житие мое и течет. И все впустую. Сколько его, этого жития, осталось? Гонялся за удовольствиями, а чтобы их получить, все заповеди нарушал. А награду себе придумал – грех смертный. В блуде отраду находил». Чувствую, стыд меня стал припекать. Душа размягчаться стала. И вдруг мысль: «Сейчас тебя кто-нибудь узнает. Отволокут в ментовку. Давай беги, и нечего тут тебе делать». Так я и не вернулся к батюшке. Поехал домой. А друган мой несколько дней был при нем. Вернулся другим. Вера в нем с той поры – алмаз твердейший. А я поехал в Печоры. Принял меня отец Иоанн Крестьянкин. Вот у кого любовь! Обласкал. Посоветовал Питер на время оставить и все окружение. Дал мне адрес одного бати. Говорит: поезжай к нему. Поживи при храме. Потрудись, помолись. Через полгода приезжай ко мне. Поглядим, как дела пойдут и что дальше делать. Я и поехал. А когда говорил с отцом Иоанном, понял, что отец Павел был трижды прав. Не шугани он меня тогда, я бы так и был туристом. Ездил бы по святым местам без толку. Я ведь никак не мог молиться. Клапан какой-то во мне сидел. Читаю слова молитвы – и как о стенку горох. Не трогают. В тюрьме трогали. Там мог молиться. А прожил три года на воле – и закрылся клапан. Я ведь ничего не делал. Устроился формально в одну контору и зарплату отдавал мужику, который меня оформил. А сам матушкины камешки проживал. Она вскоре после моего освобождения умерла. Я поначалу молился, а потом клапан захлопнулся, и чувствую лапу мохнатую, сжимающую горло. Не могу в церкви вместе со всеми «Отче наш» петь. Не могу вслух молитвы прочесть. А поговорил с отцом Иоанном – и клапан приоткрылся. И уже не так меня крепко душить стало.

Я в селе, куда меня отец Иоанн отослал, чего только не делал. Вся работа по храму была на мне. Я и дрова доставал и колол, и храм сторожил, и убирал, и алтарничал, и читал, и с бабульками пел. Храм только отдали, а там и ремонт, и печку сразу же пришлось сложить. Одним словом, крутился как никогда в жизни. А я же работы никакой не знал. До сорока с лишним лет балда-балдой прожил. Да еще и с батюшкой не просто было. Он мою подноготную знал. Уважать не мог. В душе, конечно, презирал. Но видел мое старание. Иногда приглашал к себе. Давал книги всякие читать. По «Добротолюбию» потом беседы устраивал. Некоторые мои суждения называл оригинальными. Не знаю, что он имел в виду. Наверно, я ересь порол. И у меня было такое чувство, что он делает это через силу. Он без семьи – монашествовал. Но хоть и монах, все же по слабости человеческой и собеседник иногда нужен. Я старался быть ему хорошим помощником.

Особенно его ценил за молитву. Служил он красиво и усердно. Молился по ночам. И подолгу. Нестяжательный был. Я ему денежку привезу, а он либо старикам, либо детям раздаст. А нужд по ремонту было много. Я потом понял, что он мои деньги не хочет на храм пускать. Грязные деньги. Я на это обижался, а потом он и говорит: «Ты не обижайся. Потрудись несколько годков. Дурь и все, что накопил, из тебя выйдет. И тебе, и мне будет легко. Я в тебе поначалу разбойника видел, а теперь вижу заявку на разбойника благоразумного. Так что стяжай благоразумие, и войдешь в радость Господа нашего». И я старался. Но эти несколько годков меня пугали. Отец Иоанн говорил про полгода.

Я себе избушку у старушки прикупил. Хорошую, просторную. Иконушки в избушке простенькие. Решил я всю свою коллекцию храму подарить. Думал оставить себе две-три для молитвы, остальное – храму. Приезжаю в Питер, а квартирка моя – того. Нараспашку. Ни икон, ни маминых цацек. Ну что ж. Бог дал, Бог взял. Только взял, конечно, маклак. Не сам. Навел. Но я с ним разбираться не стал. Продал отцовскую библиотеку. «Волжанку» его старенькую пригнал и бате подарил. Кстати пришлась. Разъездов много, а ездить не на чем.

Приехали мы как-то к одному старику. Митрофаном звать. Причастили. Он немощный. До села нашего шесть верст. А до храма – семь. А он еле на двор выходит. Гляжу: стоит у него на столе, прислоненная к стенке, икона Ильи Пророка. Как увидел я ее – все во мне взыграло. И прежняя моя страсть проснулась. Письма она странного. Лик выписан идеально, а остальное небрежно. Но видели бы вы огненный вихрь, в котором возносилась колесница с пророком Божиим на небо. Так закручено, такие огненные кони... А пророк Елисей, ловящий милоть своего учителя, в такой немыслимой позе – дескать, трудно поймать ее, но поймаю и получу двойную благодать от Бога Живаго. А сам пророк Илья во весь рост, а житие его в неотделенных друг от друга клеймах. По кругу снизу вверх до самой колесницы. И такая она вся вихревая и огненная. Такой взгляд у пророка Ильи пронзительный и грозный. В общем, не икона – а предстояние перед Господом Богом.

С той поры я зачастил к Митрофану. Он сразу понял, что мне нужно. Посмеивался надо мной. Деньги ему никакие не нужны. Говорил, будет Илья моим после его смерти. А один раз сказал: «Пустое ты, парень, затеял. Ты ее и в дом свой не внесешь». Но я уже не могу отступиться. Чувствую, что не могу без этой иконы жить...

Продолжение следует

Отечник

* * *

Говорил авва Исаия: «Встав для совершения твоего келейного молитвенного правила, не твори дела Божия с небрежением, чтоб вместо благоугождения Богу не прогневать Бога. Стой на молитве со страхом Божиим. Не восклоняйся на стену и не переставляй ног, стоя на одной и облегчая другую, как делают это невежи. Удерживай сердце твое, чтоб оно не скиталось по предметам пристрастия твоего, и Бог примет жертву твою».

* * *

«Подвергшись ночью искушению мечтанием плотского совокупления, соблюди сердце твое при наступлении дня от воспоминания являвшихся тебе в мечтании изображений и от рассматривания их, чтоб не оскверниться услаждением при таком рассматривании и не навлечь на себя гнева Божия. Повергни себя пред Богом от всего сердца твоего и Он, многомилостивый к немощам человеческим, поможет тебе».

* * *

«Упражняясь в подвигах, не попусти сердцу твоему возложить упование на них; не сложись с мыслию, что они помогают тебе, но так скажи помыслу твоему: «О! Когда бы Бог услышал меня, вопиющего к Нему из бедственного состояния моего злостраданием тела»».

* * *

«Не отверзай уст твоих для смеха: это признак рассеянной и нерадивой души, чуждой страха Божия».

* * *

«Куда бы ты ни пришел, не позволь себе свободного обращения: наблюдай скромность во всех отношениях».

Православный календарь

23 апр., вс. – Неделя 2-я по Пасхе. Воспоминание уверения апостола Фомы́. Антипасха. Мчч. Тере́нтия, Помпи́ия и иже с ними. Сщмч. Григория V, патриарха Константинопольского. Сщмч. Флегонта пресвитера.

24 апр., пн. – *Понедельник 2-й седмицы по Пасхе.* Сщмч. Анти́пы, еп. Перга́ма Аси́йского. Прп. Иа́кова Железнобо́ровского. Свт. Варсоно́фия, еп. Тверского. Прпп. Евфи́мия и Харито́на Ся́нжемских. Мчч. Прокесса и Мартиниана.

25 апр., вт. – *Вторник 2-й седмицы по Пасхе.* ***Ра́доница. Поминовение усопших.*** Прп. Васи́лия исп., еп. Пари́йского. Сщмч. Зинона, еп. Веронийского.

26 апр., ср. – *Среда 2-й седмицы по Пасхе.* Сщмч. Арте́мона, пресвитера Лаодики́йского. Мч. Крискента, из Мир Ликийских. Мц. Фомаиды Египетской.

27 апр., чт. – *Четверг 2-й седмицы по Пасхе.* Свт. Марти́на исп., папы Римского. Мчч. Анто́ния, Иоа́нна и Евста́фия Ви́ленских, Литовских.

28 апр., пт. – *Пятница 2-й седмицы по Пасхе.* Апп. от 70-ти Ариста́рха, Пу́да и Трофи́ма. Мцц. Василиссы и Анастасии. Мч. Саввы Готфского.

29 апр., сб. – *Суббота 2-й седмицы по Пасхе.* Мцц. Ага́пии, Ири́ны и Хиони́и. Мч. Леонида и мцц. Хариессы, Ники, Галины, Калисы, Василиссы и иных.

Еженедельное издание церкви Покрова Пресвятой Богородицы г. Тирасполь. Главный редактор – настоятель храма архимандрит Василий (Карпов). Наш адрес: г. Тирасполь, ул. Кутузова, 201. Тел.: (533) 2-46-97. Сайт: http://pokrovka-tiras.narod.ru/

Набор и верстка – на оборудовании редакции. Отпечатано в полиграфическом предприятии ООО «Теслайн» по адресу: г. Тирасполь, ул. Ленина, 7. Объем – 1 печатный лист. Тираж – 120 экз.

Уважаемые читатели! Просим вас не использовать газету в бытовых и хозяйственных нуждах! Да благословит вас Господь!